

Охранник, которого сейчас держал Жун Тянь, почти задохнулся и, сдерживая волнение, дрожащим голосом проговорил:

— Князь Мин... князь Мин всего лишь испугался... — мужчина не успел договорить, как в одно мгновение его тело приобрело лёгкость, так как Жун Тянь уже выпустил несчастного из рук.

И как только дыхание стражника успокоилось, спешащие силуэты Жун Тяня и Ле-эра уже были далеко.

Император Силэй поспешно вбежал во внутренний дворик, его взгляд зацепился за порог дома, где едва виднелись капли свежей крови. Но и этого хватило, чтобы сердце затрепетало от страха. Жун Тянь, словно ураган [1], ворвался в комнатку, где заметил до боли знакомый силуэт любимого феникса.

— Фэн Мин! — воскликнул молодой мужчина, широко шагнув в направлении к князю и вытянув руки, чтобы сгрести его и прижать к груди.

— Государь, нельзя! — громко выкрикнул Ле-эр и внезапно рванул вперёд, обхватывая талию императора, и сразу же направился к выходу, утягивая за собой Его Величество.

Жун Тянь замер, внезапно вспомнив, что в его жилах всё ещё течёт «кровь возлюбленных», при мысли об этом всё тело покрылось холодным потом. Ведь ещё немного — и над жизнями как Фэн Мина, так и императора Силэй нависла бы смертельная опасность. Мысль, что в жилах течёт этот проклятый яд, вызывала тоску, которая своими костлявыми пальцами тотчас же сковала сердце. Жун Тянь резко остановился и поспешно спросил:

— Фэн Мин, ты как? Скорей ответь мне!

Сам же князь стоял неподвижно и лишь испуганно смотрел на пол, по которому сейчас расползлась лужа алой крови. Спустя какое-то время князь поднял голову и расстроено проговорил:

— Учитель Сяо попросил меня войти, я всего лишь наблюдал за действительно превосходной тренировкой по владению мечом. Но, не знаю почему, остриё его меча непрерывно задрожало, издавая страшный звук. Я ещё подумал: «Странно, из-за чего меч может так звучать?», тут в комнату ворвался Жун Ху, словно сумасшедший. Как только он вошёл, Сяо Цзун его сразу... сразу...

Конечно, нынешняя обстановка была весьма опасной, упомянув об этом, Фэн Мин, охваченный неизжитым страхом, опустил руки, крепко сжимая кулаки.

Цю Юэ и другие слуги сейчас ждали снаружи: получив эти ужасающие новости раньше Жун Тяня, они примчались и окружили Фэн Мина.

Ле-эр был крайне обеспокоен и, схватив военного лекаря, который как раз семеняще прибежал с дальней комнаты, неоднократно спросил:

— Как мой брат? Его раны не смертельны?

Взгляд Цю Лань скользнул по мужчине, она заметила, что рукава лекаря сплошь пропитаны кровью, а сама девушка, не выдержав, побледнела, словно лист бумаги.

Цю Юэ, понимая её переживания, прошептала:

— Давай-ка войди и покажи князю Мину, что мы здесь, — и с этими словами девушка слегка подтолкнула подругу к дверям.

Военный лекарь, который только что был пойман Ле-эром, осмотрел уже лежащего на постели, окровавленного Жун Ху, более того, за короткое время он не посмел принять решения. Собираясь ответить на вопросы Ле-эра, лекарь внезапно увидел Его Величество, после чего поспешно подошёл поприветствовать Жун Тяня.

На что мужчина, отмахнувшись, проговорил:

— Не время докучать болтовнёй, в конце концов, как его рана?

— Докладываю государю: сейчас как раз остановили кровь, остальное... — мужчина немного замялся, — ещё не смог осмотреть.

Ле-эра, как и Цю Лань, слова лекаря удивили до глубины души.

Фэн Мин с силой растолкал стоящих перед ним людей и сделал два шага вперёд:

— Что Вы имеете в виду? Не спасёте? Вы обязаны его спасти!

— Фэн Мин, не спеши. — Жун Тянь вновь хотел обнять князя, но этого делать было нельзя, хотел крикнуть, но был не в состоянии, более того, неясно было, какое именно ранение получил его телохранитель, потому молодой мужчина, чувствуя неописуемую грусть, обратился к лекарю, с трудом сдерживая и смягчая тон: — Ради этого императора вылечи его. Независимо от того, какое потребуется лекарство, если надо, используй всё, и неважно — знаменитое лекарство или нет. Так что с этого дня ты остаёшься здесь, чтобы днём и ночью ухаживать и присматривать за моим раненым телохранителем.

Ле-эр спешно отозвался:

— Я тоже остаюсь здесь охранять, чтобы не случилось беды.

— Нет. — Цю Лань сейчас была крайне серьёзна, и, хоть сильное беспокойство охватывало её, девушка всё же, поразмыслив, сказала:— Жун Ху получил ранение, при государе и князе Мине больше никакой охраны нет, кроме тебя. Ваша служанка очень внимательна, поэтому я сама позабочусь о Жун Ху. Единственное, Цю Юэ и Цю Син будет немного тяжело, так как им придётся постоянно находиться рядом с князем Мином.

На что близняшки согласились без колебаний.

Цю Юэ проговорила:

— Не переживай, мы, сестрёнки, позаботимся и не позволим, чтобы с князем Мином что-нибудь случилось. — Обернувшись и подойдя, девушка взглянула на знаменитого князя, серьёзно произнеся: — Князь Мин, больше никогда не ходите к этому господину Сяо. У него очень странный характер, если скажет, что убьёт, то тотчас же сделает это.

Прижав руки к груди, Цю Син, изменившись в лице, проговорила:

— Этот человек и вправду сумасшедший, неожиданно и без слов может на собственного сына поднять меч и даже заколоть.

При упоминании Сяо Цзуна Фэн Мин вновь стал мрачнее тучи.

— Фэн Мин? — позвал князя Жун Тянь.

На что сам феникс лишь слабо отозвался и, посмотрев на мужчину, выдавил горькую улыбку:

— Я сам навлек на себя беду, специально спровоцировав его, никак не думал, что неожиданно впутаю сюда и Жун Ху...

Когда несколько человек доложили, в комнату вошли охранники, которые непрерывным потоком подносили воду и лекарства, предназначенные для Жун Ху. Цю Лань уже вместе с военным лекарем отправилась в дальнюю комнату, чтобы приступить к своим обязанностям.

Все переживали за раненого Жун Ху; не соглашаясь его покидать, государь вместе с князем и слуги удобно разместились в гостиной, ожидая новостей. Ле-эр же постоянно оборачивался в сторону комнаты, выжидая.

Жун Тянь, посмотрев в глаза Ле-эра, сказал:

— Иди навести своего брата.

Ле-эр немного оживился и был тронут заботой Его Величества. Но, сделав шаг, юноша отступил и, покачав головой, ответил:

— Там за Жун Ху уже приглядывает Цю Лань, какой смысл мне туда идти? — Стоя между Его Величеством и Фэн Мином, он больше не двинулся с места.

Все прекрасно понимали его желание.

Более того, сейчас князь чувствовал себя скверно и как никогда нуждался в заботе.

Государь совершенно не мог сопротивляться при виде такой угрюмой мордашки. А если случайно забудет, что в его жилах течёт «кровь возлюбленных», как это произошло только что, и захочет обнять князя Мина, что тогда делать?

Хоть все и знали, что император Силэй обладал огромной силой воли, но, как говорится, надо бояться не множества привычных обстоятельств, а одного непредвиденного [2].

Действительно, если такой сметливый человек, как Ле-эр, будет поблизости, то уже хорошо.

Стоило учесть, что Жун Тянь был самым несчастным из всех.

Ведь приближённому телохранителю, которого наставник пронзил мечом, сейчас в дальней комнате оказывали первую помощь, и ещё неизвестно, что его ожидало — жизнь или смерть.

Только что чуть не столкнувшийся с гибелью князь был бледен, по-видимому, не только испуг настиг его, но и вдобавок огорчение и подавленность убивали его душу. От милого и жизнерадостного характера самого Фэн Мина не осталось и следа, было лишь душевное смятение.

А он, выдающийся император Силэй, единственный человек, который мог хорошенько утешить, неожиданно даже обнять любимого феникса и то был не в силах.

Протянуть руку было достаточно, чтобы...

И это было самым огромным разочарованием в жизни Жун Тяня, которое тяжестью легло на сердце.

Настроение у всех было одно и то же — подавленное и мрачное. И на какое-то время воцарилась звенящая тишина. Служанки, носившие воду, бинты и лекарства, кажется, тоже

пребывали в таком же состоянии, более того, девушки на цыпочках ходили по крытой галерее и даже кашляли неслышно.

Внезапно нависшее молчание нарушил звук стремительно приближавшихся шагов.

— Ваше Величество! — находящийся за дверью глава стражи Жун Тянь вошёл с докладом. — Госпожа Яое просит об аудиенции.

Жун Тянь приподнял густые брови:

— Появилась слишком скоро.

У этой женщины потрясающее чувство времени.

Сильно переживавший за жизнь старшего брата, Ле-эр, услышав, что приехала госпожа Яое, неожиданно вспомнил, что именно из-за этой женщины его брат сейчас находился между жизнью и смертью, и, испытывая отвращение, наклонился к государю, шепча:

— Ваше Величество, у этой женщины дурные намерения. Ведь в прошлый раз, когда она вынудила князя Мина спровоцировать Сяо Цзуна, князь Мин чуть не умер. Позвольте мне прогнать её.

Конечно же, Жун Тянь тоже злился из-за того, что случилось с Жун Ху, но также он пребывал в печали из-за Фэн Мина и «крови возлюбленных», поэтому, понимая, что сейчас не время действовать импульсивно, император Силэй покачал головой:

— Но какой толк, если мы её прогоним? Пусть войдёт.

Ле-эру ничего не оставалось, как подчиниться приказу:

— Позвать сюда госпожу Яое.

Походка изящной госпожи Яое была настолько лёгкой, что её практически не было слышно, и вскоре утончённый силуэт появился на пороге гостиной. Было заметно, что женщина прекрасно разбиралась в нарядах, так как сейчас была облачена не в белое платье, как до этого, наоборот, она переделалась в длинную до щиколоток красную юбку с чёрными кисточками на подоле, которая ещё больше придавала изящества и дорогого великолепия.

Пройдя в гостиную и оглядевшись вокруг, Яое перевела взгляд прекрасных глаз на мрачного Жун Тяня и всё поняла, более того, женщина не могла не обратить внимание на пристальный и в то же время злобный взгляд Ле-эра, однако в ней не чувствовалось даже тени страха, и, обнажив две ямочки на щеках, она мягко проговорила:

— Я слышала о произошедшем сегодня. Что скажет государь?

— Что скажу? — Жун Тянь сидел на стуле, взгляд сильно отличался от обычного, внезапно подняв руку и указав на другое кресло, в котором сейчас сидел его ненаглядный феникс, молодой мужчина строго сказал: — Фэн Мин сегодня чуть не погиб от меча господина Сяо, позвольте спросить госпожу Яое: что скажете?

Императорский гнев был подобен раскату грома.

Жун Тянь на самом деле являлся крайне могущественным человеком и если впадал в ярость, внушал всем страх одним своим видом.

Поначалу, когда Ле-эр видел, как император, придерживаясь осторожных и спокойных манер, пригласил Яое войти, он никак не мог предвидеть, что, встретившись с этой женщиной, Его Величество напрямую задаст вопрос, что тотчас же повергло всех в испуг.

Яое, услышав леденящий душу и наполненный злостью голос императора, в душе слегка испугалась, однако вскоре этот страх прошёл, женщина успокоилась и, ненадолго задумавшись, внезапно прикрыла ладонью усмешку. После чего эта улыбка переросла в непрерывный смех, от которого даже подвески на державшей волосы золотой шпильке стали очень сильно трястись.

На что Жун Тянь холодно спросил:

— Почему госпожа смеётся? — в голосе заметно бушевал огонь.

Услышав вопрос императора, Яое внезапно остановилась, и, убрав с лица улыбку, женщина вернула холодное выражение и с пренебрежением заговорила:

— Я смеялась над невежеством императора Силэй. Ведь именно Вы на протяжении многих лет следовали за моим возлюбленным и как никто другой понимаете навыки своего наставника. Если бы он действительно захотел убить моего сына, стал бы он перед этим демонстрировать «щебет» меча? Дал бы он шанс Вашему охраннику ворваться в комнату и отбить меч? Как зовут Вашего телохранителя? Ходят слухи, что он всё ещё жив. Пф, полагаю, что он ещё мальчишка, если бы не снисхождение моего любимого, сохранил бы клинок ему жизнь? Смешно!

Её слова оказались куда острее, чем слова Жун Тяня. И разговор на этом был закрыт. Затем женщина подседа ближе к Фэн Мину и протянула к нему тонкую руку. В ту же секунду хрупкие и нежные пальцы мягко коснулись лба князя, который был холодным, как лёд.

— Мой дорогой Сяо Цзун не смог бы причинить тебе вреда, — утешающе заговорила женщина, при этом поглаживая Фэн Мина по лбу. — Я не только в этом уверена, более того, мне кажется, что он просто позвал тебя к себе, чтобы показать своё мастерство. Но если бы сегодняшней

день стал для тебя роковым, то я бы не задумываясь убила себя. И сделала бы всё, чтобы отправиться за тобой в мир мёртвых вымалывать у тебя прощение. Дитя моё, я понимаю, что я бессердечная и злая мать, но какой бы я ни была, с тобой я всегда была честна. Я бы ни за что не стала водить тебя за нос и посылать на верную гибель. Да, даже «кровь возлюбленных», которая предназначалась тебе, и та имеет противоядие, что спасло бы тебя.

Увидев, как госпожа Яое находится совсем рядом и касается лба его дорогого Фэн Мина, Жун Тянь резко изменился в лице, побледнев, как полотно. Ему захотелось вскочить со стула и броситься к ним, чтобы слышать всё, что эта женщина нашёптывает его любимому. И он почти это сделал. Мужчина вскочил, но стоило ему услышать некоторые слова, что говорила госпожа Яое, как он тут же взял себя в руки. Более того, он убедил себя, что сейчас не самое подходящее время принимать какие-либо меры, так как это будет выглядеть очень глупо. Да, и император может потерять лицо.

Но вот что касается самого Фэн Мина, то сейчас князь был погружён в свои мысли. Кроме того, душу терзали сомнения. Ведь глядя на эту женщину, которая по сути являлась его родной матерью, у князя создавалось странное ощущение. Казалось, что сама госпожа Яое весьма необычная, многосторонняя и непредсказуемая личность, от которой не знаешь, чего ожидать, и у которой настроение менялось со скоростью света: то женщина была печальной, то с ней невозможно было разговаривать, то снова её охватывала горечь, то она снова становилась спокойной и безмятежной, как всегда. Слушая её мелодичный голос, князь поднял взгляд и тихо посмотрел на женщину, после чего вновь погрузился в свои мысли:

«С детства я рос сиротой, который совсем не знал своих родителей. И если в детстве у меня не было настоящих родителей, то и сейчас они навряд ли могли появиться. У Ань Хэ же наоборот — были родители. Вот только, несмотря на это, самого Ань Хэ бросили, ещё когда он был совсем младенцем. Но его подобрал старый князь Жун, который стал ему как приёмным отцом, так и приёмной матерью. Правда, после того, как мужчина его нашёл, ребёнка отнесли во дворец и сделали лже-наследным принцем, чтобы защитить настоящего сына императрицы. Да и сама императрица согласилась на подобную замену, ведь всё, что её тогда волновало, — это безопасность Жун Тяня. Хм, выходит, что судьба Ань Хэ была печальнее, чем моя собственная».

От подобных мыслей сердце Фэн Мина охватил целый хаос душевных переживаний, а губы растянулись в горькой улыбке. Но, несмотря на эту улыбку, сам князь так и не смог вымолвить и словечка. На мгновение Фэн Мин почувствовал бесконечное разочарование и горечь. Князь ещё какое-то время наблюдал за госпожой Яое, но вскоре перевёл взгляд и посмотрел на лицо Жун Тяня, который, в свою очередь, внимательно наблюдал за их беседой.

— Не беспокойся, — горько рассмеялся Фэн Мин, глядя на императора, — я в полном порядке. Просто... просто я скучаю по тебе. — Последние слова звучали искренне, без всяких шуточных ноток в голосе, показывая всю любовь и нежность, что сейчас таились в уголке этой юной души. И стоило Жун Тяню услышать их, как сердце сладко затрепетало в груди.

— Если раньше, — вновь продолжил Фэн Мин, растягивая губы в горькой улыбке, — меня раздражало то, что ты постоянно показывал мне свою любовь, обнимая и приставая ко мне, отчего я только и делал, что злился на и закатывал скандал, то сейчас же, когда я вспоминаю

об этом, то чувствую себя виноватым перед тобой. Пожалуйста, прости меня, ведь мне действительно очень жаль... И, Жун Тянь, единственное, что я хотел бы сейчас сделать, так это прижаться к твоим губам и долго-долго целовать тебя. — Глаза Фэн Мина тотчас же покраснели, и казалось, что князь сейчас расплачется, однако слёзы так и не обожгли кожу, вместо этого они просто застлали глаза, размывая взгляд.

Жун Тянь же, слушая всё то, что говорит любимый феникс, тихо сходил с ума.

При этом сам мужчина глубоким и застывшим взглядом тихо смотрел на своего одинокого возлюбленного, чьё сердце было охвачено печалью.

Ле-эр, внезапно почувствовав, что сейчас может произойти что-то очень страшное, громко выкрикнул, стараясь «разбудить» Жун Тяня:

— Ваше Величество, нет! — Но он его уже не слышал. Более того, молодой мужчина словно сошёл с ума. Вскочив со стула и оттолкнул от себя Ле-эра, который вновь вцепился в него, Его Величество одним махом отшвырнул в сторону госпожу Яое и протянул руки к Фэн Мину, при этом стараясь как можно скорее его обнять.

Цю Юэ и Цю Син, которые до этого тихо сидели, окружая с обеих сторон кресло Фэн Мина, вскочили и громко завизжали, также стараясь привести в чувства и князя:

— Князь Мин, нет! — Конечно же, у служанок не было столько ловкости, сколько было у Ле-эра. Но, несмотря на это, девушкам всё же удалось среагировать и хоть как-то попытаться прикрыть Фэн Мина уголком накидки, которая так удачно подвернулась им под руки.

Вот только всё было напрасно. Увидев, что государь бросился к нему, Фэн Мин также вскочил с места, и, не теряя ни секунды, кинулся навстречу в объятия государя. Четыре стороны света сейчас сузились лишь до рук Жун Тяня, и было плевать на всё: на мировое господство, на императора Силэй, да даже на «кровь возлюбленных».

Они обнимали друг друга так, словно их ничто не могло разлучить, между жизнью и смертью, эту парочку переполняли чувства любви, нежности и ничем не сравнимой радости.

Даже госпожа Яое была застигнута врасплох и слегка ошеломлена, причём так же, как и находящиеся в комнате слуги.

Цю Син и Цю Юэ, испугавшись, рухнули на колени и, держа в тонких пальчиках подола платьев, прижали ручки к груди, с отчаянием в глазах смотря снизу вверх на двух влюблённых.

В огромной гостиной воцарилась мёртвая тишина. Даже крики слуг внезапно утихли.

В один миг время резко остановилось. Вся сцена, что разворачивалась в гостиной, резко

застыла, словно на картине художника. Будто всё живое в этом мире умолкло, казалось, что даже маленькая капля воды, сорвавшись с Небес, беззвучно, почти незаметно, упала в воду, оставляя после себя небольшую рябь на зеркальной поверхности озера.

Фэн Мин вместе с Жун Тянем, держа друг друга в нежных объятиях, сейчас находились в самом центре этой непревзойдённо прекрасной ряби. Ну а мёртвая тишина, которая до этого царила в комнате, медленно начала растворяться.

Так как её прервал лёгкий шёпот, в котором слышались удивление, неверие и, конечно же, благодарность Небесам...

— Ой!

— А?..

— О, Святые Небеса...

— О нет!

— Неужели они живы?

— А может, яд действует медленно?

И после недолгого перешёптывания, раздались вздохи облегчения.

Цю Син и Цю Юэ в свойственной им манере, сложив молитвенно ладони, подняли взгляд к потолку и стали громко благодарить Небеса:

— Мы так перепугались, но слава Небесам, ничего не произошло! — в голос сказали две сестры, при этом мысля одинаково. Да, даже изумление, отразившееся на их лицах, тоже было одинаковым, и это было очень мило.

— Как? Мы всё ещё живы? — спросил Фэн Мин у Жун Тяня, приходя в себя.

Молодой мужчина, всё так же стоя и обнимая своё чудо посередине гостиной, тотчас же догадался, в чём дело, и, переведя взгляд, с благодарностью посмотрел на равнодушную госпожу Яое.

— А ты сам как считаешь? — в ответ спросил Жун Тянь, переводя взгляд на Фэн Мина.

Князь тоже уже догадался, и, чувствуя, как некий накал драматизма резко исчезает,

растворяясь в воздухе, обернулся к женщине и спросил:

— Ваш... неужели Ваш яд — это всего лишь подделка? Ой! — громкий звук пощёчины резко прервал все его слова.

Госпожа Яое сейчас стояла и свирепо смотрела на Фэн Мина, которого Жун Тянь всё так же держал в объятиях, невзирая ни на жизнь, ни на смерть. Никто из присутствующих не ожидал, что женщина внезапно поднимет руку на сына, даже Жун Тянь сильно удивился и не смог помешать этой странной женщине.

Заметив на нежной щеке Фэн Мина красный след от ладони госпожи Яое, Жун Тянь снова пришёл в ярость и сурово спросил:

— За что Вы его ударили?

Но похоже, что женщина сейчас совсем не слышала вопроса, что ей задал государь. Вместо этого она продолжала смотреть на князя прекрасным взглядом. Спустя долгое время наконец госпожа Яое заговорила полным возмущения и горести голосом:

— Верно-верно, я самая ужасная мать на свете. Зачем же мне использовать фальшивку вместо настоящего яда? Я же так бессердечна и жестока, что посмела отравить своего собственного ребёнка! — Смахнув обжигающие кожу слёзы, женщина развернулась и вышла прочь из комнаты.

Сама же женщина владела искусством фехтования, переняв у возлюбленного Сяо Цзуна, и была крайне талантливой. И вот сейчас эту хрупкую и изящную фигуру слуги даже не стали останавливать, продолжая стоять на своих местах. Либо они не думали преграждать женщине путь, либо просто не осмелились этого сделать, наоборот, все с изумлением смотрели, как её силуэт исчезает за дверью.

— Какой странный характер у этой госпожи, — сказала Цю Син, в удивлении всплеснув руками. — К счастью, у нашего князя Мина характер совсем другой.

— Она просто ушла, так ничего нам не объяснив?

Немного помолчав, император Силэй со вздохом проговорил:

— Учитель на целых пятнадцать лет бросил своё искусство фехтования, и всё это только ради неё.

— Ах! — внезапно выпалил Фэн Мин. — Мы наконец-то разобрались с «кровью возлюбленных», но у нас всё ещё остаётся одно дело, которое нам нужно решить. Ведь мы так и не помирили господина Сяо и госпожу Яое. Нам всё ещё нужно им помочь?

На что Жун Тянь бросил на князя предупреждающий взгляд:

— Я тебя больше не пушу к наставнику, и не позволю вновь провоцировать его. Нам пока неизвестно, насколько серьёзно ранен Жун Ху, ты что, собираешься пожертвовать жизнью Ле-эра?

Фэн Мин вспомнил о залечивающих раны Жун Ху, и внезапно душу охватила печаль. Князь печально проговорил:

— В конце концов мы так и не узнали: серьёзно ли ранен Жун Ху или нет? Хорошо ли разбирается этот военный лекарь в ножевых ранениях? Ну почему время тянется так медленно?

Только слова стихли, и внезапно раздался громкий вопль. Оказалось, это кричал измазанный кровью военный лекарь и служанки, которые приносили бинты, воду и лекарства. Почти все, кто помогал лечить раненого телохранителя, внезапно поспешили в гостиную. Все, кроме одной Цю Лань.

Все изумились и с тревогой спросили:

— А что случилось? Почему они вышли?

От подобного развития событий у Ле-эра выступил пот на лбу, а мурашки прошлись по спине. Поднявшись с места, молодой телохранитель в два прыжка оказался перед военным лекарем:

— Что-то случилось с моим старшим братом?.. Мой старший брат... он... — сдавленно проговорил юноша, задыхаясь от слёз.

Лицо лекаря так же, как и у Ле-эра, было покрыто испариной.

Мужчина же, в свою очередь, большую часть своей жизни проработал военным лекарем, но с подобным ранением встречался впервые. И сейчас перед ним стояла непростая задача. Во-первых, Жун Ху, который являлся лучшим телохранителем Его Величества, сейчас ранен. Во-вторых, мужчине удалось выяснить, что ранение простое. Но, несмотря на то, что это обычное ранение, которое солдаты часто получают в бою, всё же оставалась одна проблема. Лекарь не знал, как именно господин Сяо нанёс удар, вероятно, потому, что остриё клинка сильно дрожало, когда входило в Жун Ху. Само же отверстие было в крошечных трещинах, да и угол ранения получился настолько странным, что перебинтовать его невозможно.

И как назло именно в тот момент, когда мужчина был очень занят, в комнату ворвалась одна странная и очень красивая женщина. Причём прямо посередине лечения.

Мужчина, вытирая размером с горошину испарины, спешно поприветствовал Его Величество,

и, став открытой мишенью для Ле-эра, запинаясь пробормотал:

— Нет-нет, эта женщина в красной юбке нас всех выгнала..

Люди в гостиной в один голос завопили:

— Госпожа Яое?

Ле-эр же, подпрыгнув на месте, вновь разозлился и сжал кулаки.

— Эта женщина... она... она явно хочет убить моего старшего брата!

Но тут вмешался Фэн Мин, неохотно вырываясь из объятий Жун Тяня:

— Не стоит спешить с выводами. Лучше давайте сами навестим Жун Ху и заодно посмотрим, что там делает госпожа Яое.

Вот только князя резко потянули сзади.

— Ты хочешь схлопотать ещё одну пощёчину? — И задумчиво заговорил: — Хм, а зачем госпоже Яое убивать Жун Ху, ведь он не сделал ей ничего плохого? Наоборот, учитель никогда просто так не ранит человека. Просто сегодня Жун Ху случайно попал ему под руку, и учитель нечаянно нанёс ему удар, к тому же рана у Жун Ху не такая серьёзная и смерть ему не грозит, неужели... — И немного подумав, искренне добавил: — Я разрешаю госпоже Яое лечить Жун Ху, возможно, ей удастся поднять его на ноги.

Все, конечно же, смутно понимали то, что имел в виду Жун Тянь, но, несмотря на слова государя, люди всё равно считали, что это выглядит очень подозрительно.

Но никто не посмел прерывать тишину и излагать свои мысли. Ведь из всех, кто сейчас находился возле Его Величества, лишь князю Мину можно было высказывать своё мнение, который медленно сказал, вытаращив глаза:

— Связь этих двух возлюбленных слишком пугает, верно? Да и потом, Жун Ху потерял слишком много крови...

Но стоило хорошенько подумать, и приходило осознание — подобное действительно соответствовало характеру этой парочки.

Ведь если так разобраться, то один — самый тщеславный человек на свете, а вторая — слишком порочная женщина на свете, где уж там им замечать чужие жизни и смерти?!

Жун Тянь выдвинул предположения:

— Узнав, что объявилась госпожа Яое, учитель стал сам не свой, потеряв душевный покой. Сегодня он нарушил свои же традиции и позволил тебе, Фэн Мин, находиться рядом с ним и наблюдать за его искусством фехтования. Он сделал это только лишь для того, чтобы выяснить: сможет ли он и дальше отдаваться без остатка своему искусству.

— Но все его мысли оказались в полном смятении, и он решил заколоть князя Мина. Но рука не поднялась, так как князь Мин своей внешностью напомнил ему любимую женщину. — И Ле-эр сердито процедил: — В итоге пострадал мой старший брат...

Фэн Мин слабо сказал:

— Прости!

На что Ле-эр ошеломленно замахал руками:

— Нет, нет, подчинённый не это имел в виду. Какое к этому отношение имеет князь Мин? Это всё Сяо... — и тут юноша, неожиданно вспомнив, что Сяо Цзун является не только учителем Жун Тяня, но и отцом Фэн Мина, закрыл ладошками рот, прерывая предложение, так как совесть не позволила ему обзывать господина Сяо дурными словами. Да и потом, если Его Величество сказал, что госпожа Яое может спасти Жун Ху, то лучше всего довериться словам государя и просто ждать. И, возможно, в скором времени старший брат действительно сможет поправиться.

— Госпожа Яое, как-никак, является женой учителя, отчего тот её ненавидит, но продолжает любить всей душой. Он всеми силами старается отказаться от неё, но у него это не получается, — Жун Тянь посмотрел в окно, где за пышными деревьями находился двор Сяо Цзуна, куда посторонним вход был закрыт.

На что сам Фэн Мин со вздохом ответил:

— Может кто-нибудь сказать, что это за чувство, постоянно заставляющее людей дать клятву быть вместе навсегда[3]. — С чувством сказал князь, всё же вспоминая, что подобные слова откуда-то вычитал.

Правда, Жун Тянь, услышав их, ненадолго уставился на князя, а потом с улыбкой произнёс:

— Если кто-то захочет, то пускай спрашивает подобные вещи у кого угодно, но только не ты. Ведь, разве мы с тобой не дали клятву быть вместе навсегда?

От этих слов на лице Фэн Мина появился лёгкий румянец. Князь вспомнил, как он только что словно обезумел и, несмотря ни на что, кинулся в объятия Жун Тяня. Это, конечно же, был

самый глупый поступок из всех. Хотя и сам Жун Тянь тоже совсем недавно вёл себя как последний безумец. Правда, если бы из-за этого глупого действия он случайно потерял бы как свою жизнь, так и Фэн Мина, то тогда все одиннадцать государств просто лопнули бы от смеха.

Чем больше Фэн Мин думал, тем больше страх охватывал душу. Потому неудивительно, что, посмотрев на Жун Тяня, князь начал вновь ругать возлюбленного, при этом в голосе чувствовался страх:

— Как ты можешь быть таким... таким безрассудным? А если бы ты действительно умер, то что тогда стало бы с Силэй?

«Силэй больше не наш, — тихо подумал про себя Жун Тянь, — там теперь правит совсем другой император. Единственный, кто остался у тебя, так это я». И, глядя на своего любимого, мужчина растянул губы в мягкой улыбке, после чего, не говоря ни слова, нежно коснулся руки князя и сжал в широкой ладони.

Сам же Фэн Мин, смутно понимая скрытые мысли Жун Тяня, замолчал на мгновение, также внимательно вглядываясь в столь знакомое лицо императора Силэй. Но, почувствовав, как сильная рука государя сжимает хрупкие пальцы, князь поднял голову, и в тот же момент нежная улыбка заиграла на губах.

Сейчас, когда они смотрели друг другу в глаза, становилось понятно, что этим двоим слова ни к чему, так как все их взгляды и так уже говорили о многом, заменяя пустые разговоры.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «три шага можно принять за два», что означает: одна нога здесь, другая — там; мчаться, бежать в спешке, спешить, торопливо идти.

[2] То же, что и «бережёного Небеса берегут».

[3] Эти строки написаны китайским поэтом Юань Хаовэнем.

<http://bllate.org/book/13377/1190177>